

4	41 – 50 лет – 10,4%	7,8 %	59,2 %
5	Старше 50 лет - 5,7%	4 %	55,5 %

По приведенным данным видно, что число говорящих в семье по-казахски приблизительно соответствует численности возрастных групп, причем в первых двух группах показатель говорящих в семье по-казахски превышает показатель доли самих представителей возрастных групп, в трех других группах этот показатель ниже показателя численности группы. Наибольшее число использующих в семье казахский язык представляет возрастная группа 21 – 30 лет, чуть меньше – группа 17 – 20 лет; во всех возрастных группах говорящие в семье по-казахски составляют большинство, причем, чем моложе группа опрашиваемых, тем больше в ней общающихся в семье по-казахски. Если в группе старше 50 лет говорящие в семье по-казахски составляют чуть больше половины, то среди самых молодых это почти 9 из 10. Данные по возрастным группам соответствуют имевшему место в прежние десятилетия отношению к казахскому языку, когда его знание и употребление не считалось престижным. Количество использующих казахский язык в роли языка общения в семье в возрастных группах старше 30 лет – яркое свидетельство наследия периода, когда для значительного числа казахов русский язык заменил родной. Количественные данные по другим группам иллюстрируют тенденцию активизации функционирования казахского языка в семье, причем проводниками этой тенденции является наиболее активная часть граждан в возрасте от 17 до 30 лет. Среди использующих казахский язык в семье – студенты, представители сфер образования, транспорта, культуры, родившиеся в разных регионах Казахстана. Самые большие группы в данной категории образуют представители западных и южных областей нашей республики, а также прибывшие из Туркменистана, Каракалпакстана, единично представлены ВКО, Костанайская, Карагандинская и Павлодарская области.

Используем полученные данные в качестве исходных для анализа ответов относительно интересующей нас проблемы перехода на национальные формы официального именования.

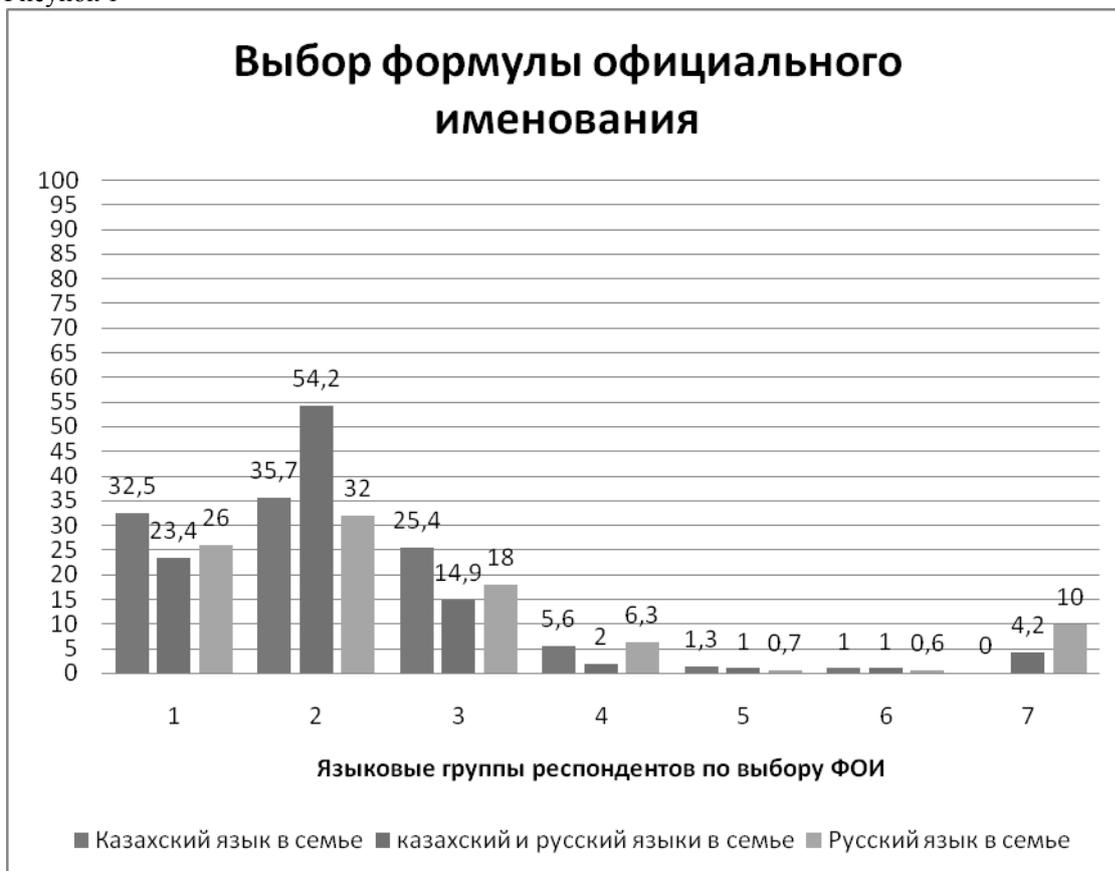
Мнения говорящих в семье по-казахски об оформлении казахской фамилии распределились следующим образом: 33% считают правильной ставшую привычной форму фамилии с русским аффиксом *-ов(ова), -ев(ева), -ин(ина)*, 31,9% отметили вариант ответа «с элементами *-ұлы/-қызы*», 30,3% - вариант безаффиксной фамилии, 4,6% предложили свои варианты оформления казахской фамилии с помощью элемента *-и*, слов *тегі, әулеті ұрпағы* и др. Т.е. среди используемых на практике форм фамилий в данном случае нет очевидного предпочтения, возможно, многие опрашиваемые ошибочно отмечали форму своей фамилии, так как ответы одних и тех же участников о форме фамилии не всегда соответствуют их ответам на вопрос о формуле именования. В выборе варианта отчества

для казахов почти все респонденты оказались сторонниками одного мнения: всего 3% отметили форму с аффиксами *-ович(-овна), -евич(-евна)*, 93% считают, что отчество должно быть с элементами *-ұлы/-қызы*, 3,8% придерживаются мнения, что отчество не нужно.

Следующий этап опроса предполагал выбор наиболее соответствующей национальным традициям казахов формулы именования из используемых в современных документах (формулы были приведены в анкетах в качестве вариантов ответа). Приведем ответы по убыванию количества их сторонников: наибольшей популярностью среди говорящих в семье по-казахски пользуется 3-х компонентная формула с безаффиксной фамилией и отчеством на *-ұлы/-қызы* (Ақылбек Қайрат Қанатұлы) – 35,7%; далее – формула с фамилией русского образца и отчеством на *-ұлы/-қызы* (Ақылбеков Қайрат Қанатұлы) – 32,5%; двухкомпонентную формулу с фамилией, образованной от имени отца с элементами *-ұлы/-қызы* (Қанатұлы Қайрат) выбрали 25,4% анкетированных; 5,6% предложили формулы с фамилией, образованной со словами *тегі, әулеті ұрпағы*, а также выразили пожелание изменить последовательность компонентов (на первом месте имя, затем отчество с *-ұлы/-қызы* и безаффиксная фамилия); двухкомпонентные формулы с безаффиксной фамилией не являются популярными: всего 1,3% опрашиваемых выбрали вариант с фамилией, равной имени деда (Ақылбек Қайрат), 1% - вариант с фамилией, равной имени отца (Қанат Қайрат). Статистические данные разных языковых групп (по языку общения в семье) относительно формулы именования приведены на рисунке 1. Цифрами условно обозначены используемые в современных документах формулы официального именования (ФОИ): 1 - *Ақылбеков Қайрат Қанатұлы*, 2 - *Ақылбек Қайрат Қанатұлы*, 3 - *Қанатұлы Қайрат*, 4 - *Қайрат Қанатұлы Ақылбек тегі* и другие варианты, предложенные участниками опроса, 5 - *Ақылбек Қайрат*, 6 - *Қанат Қайрат*, 7 - *Ақылбеков Қайрат Қанатович*. В процентах показана доля выбравших ту или иную формулу относительно представителей численности каждой из групп по языку общения в семье.

Кроме форм компонентов официального именования, мы различаем типы казахских фамилий в зависимости от имени, от которого они образованы. Большинство фамилий казахов образуются (не наследуются, как русские фамилии) от имени деда ребенка, хотя в период становления фамилий как официального способа именования в первые после-революционные десятилетия они образовывались от имени отца. Согласно принятым в советское время нормативным требованиям фамилии должны были наследоваться, однако полное соответствие требуемым нормам так и не было достигнуто: широкое распространение получила традиция образования в каждом поколении новой фамилии с именем деда в основе.

Рисунок 1

После обретения независимости в суверенном Казахстане были узаконены традиционные способы и формы образования фамилий: по желанию родителей можно произвести фамилию ребенка от имени отца или деда, с аффиксами или без них.

Одной из задач нашего исследования является прогнозирование дальнейшего развития определенной тенденции. В этих целях в анкету были включены вопросы, касающиеся фамилий самих участников опроса и фамилий их детей или внуков (имеющихся и будущих). Сопоставление ответов приводит к выводу о реальной возможности массового перехода к традиционным типам фамилии от имени деда или отца. Рассмотрим статистику общих данных по типам фамилий участников нашего опроса: 8% имеют фамилии с именем отца в основе, у 46,6% основу фамилии составляет имя деда, 45,4% унаследовали фамилию родителей. Что касается фамилий их детей или внуков, то есть следующего поколения, ответы предполагают возможность резкого роста популярности фамилий от имени отца – 36,5%, фамилии от имени деда образовали или планируют 54,2% родителей, а доля привычных для советского периода общих для всей семьи фамилий уменьшится до 9,3%. Сопоставление ответов, полученных в 2008 году на аналогичный вопрос, с современными ответами также свидетельствует о продолжающемся увеличении количества пред-

почитающих для следующего поколения фамилию от имени отца: в 2008 году их было 25%, т.е. возросло на 11,5%.

Ответы респондентов, которые в семье общаются по-казакски, отличаются от общих в количественном плане: 10% имеют фамилии от имени отца, фамилии 54% образованы от имени деда, 36% носят общую для всей семьи фамилию; типы фамилии, избранные этой группой анкетированных для детей и/или внуков, тоже отличаются от общих: предполагается еще больший рост доли фамилий от имени отца или деда – 38% и 55,4% соответственно, за счет уменьшения количества фамилий наследуемого типа до 5,8%; 0,8% участников опроса воздержались от ответа на этот вопрос.

Сравним с аналогичными данными по группе использующих при общении в семье казакский и русский языки: 9,6% имеют фамилии от имени отца, фамилии 39,3% образованы от имени деда, 51% – носители наследуемой фамилии; общающиеся в семье по-казакски и по-русски выбрали для своих детей и/или внуков фамилию от имени отца – 30,9%, от имени деда – 52%, наследуемую – 15%; 2,1% воздержались от ответа. Среди двуязычных (в пределах семьи) респондентов больше носителей наследуемой фамилии, однако резкое их уменьшение в прогнозе для следующего поколения свидетельствует о том, что в целом тенденция перехода на

традиционные фамилии актуальна и для данной категории опрошенных. По возрасту самая большая доля отметивших 2 языка общения в семье принадлежит 4 группе (41-50 лет) – 36,7% от всей возрастной группы. В первых двух возрастных группах доля общающихся в семье на двух языках не так велика: 13,5% (17-20 лет) и 17,4% (21-30 лет).

Используемые при общении в семье только русский язык консервативны в отношении типа фамилии: 80% являются носителями наследуемой фамилии, 70% выбрали для следующего поколения такую же фамилию; фамилии 20% русскоговорящих в семье образованы от имени деда, столько же участников выбрали для своих детей и/или внуков тот же тип фамилии; носителей фамилий от имени отца среди этой группы опрашиваемых не было, всего 10% из них выбрали для детей такую фамилию. Основной состав говорящих в семье по-русски относится к двум старшим возрастным группам.

Итак, сравнительный анализ полученных данных показывает, что основную роль в общем процессе перехода на традиционные типы фамилий от имени деда или отца играют говорящие в семье по-казахски.

Обратим внимание на данные по группе говорящих в семье по-казахски с точки зрения возраста респондентов: 73% из выбравших фамилию от имени

отца и 76% из выбравших фамилию от имени деда для своих детей – это молодые люди от 17 до 30 лет, которые имеют возможность в ближайшие годы таким способом принять реальное участие в возрождении казахской традиционной фамилии. Таким образом, сравнительный анализ ответов участников опроса позволил выявить наиболее активную в интересующем нас вопросе часть населения, способную повлиять на дальнейшее развитие обозначенной тенденции – это представители двух первых возрастных групп (17-30 лет), использующие в семье казахский язык в роли языка общения, проживающие преимущественно в западном и южном регионах.

***

Мақалада қазақ азаматтарының ресми аталу формуласы мен ондағы тегі мен әкесінің аты жасалу жолдарының қазіргі кезеңдегі дамуын зерттеуге бағытталған сауалнама қорытындыларына талдау жасалған. Қазіргі қазақ антропонимиясындағы тенденция болып танылатын дәстүрлі тектік аталу түрлерінің өзіне тиісті орнын алуы жалпы қазақ тілінің қолдану аясы кеңеюіне, оның ішінде жанұяда кеңінен пайдаланылуына байланысты болуы статистикалық деректер арқылы дәлелденген.

***

In this article there are analyze results of questionnaire devoted to investigation of Kazakh's formulas system of official appellation development on modern stage and Kazakh surnames and patronymics forming. On the basis of statistic information the connection between traditional form of appellation rebirth and expanding of Kazakh language use sphere is proving, the special role has the communication on native language with family.

Г. М. Егембердиева

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШВАБСКОГО ДИАЛЕКТА

Интерес к исследованию швабского диалекта – результат стремления ученых более полно изучить особенности «островных говоров», среди которых швабский диалект занимает важное место. В настоящее время «диалекты не являются чем-то пережиточным. Они живая реальность, по-прежнему сохраняющие важное значение в странах немецкого языка», – говорит А.И. Домашнев [1, 28-33]. Изучение диалектов имеет важное значение и для тех стран, в которых немецкие диалекты функционируют в стране наравне с другими образованиями и являются компонентами языковой ситуации страны. Поэтому не случайно, что современные зарубежные и отечественные ученые занимаются изучением языковых черт диалекта. Так, Р. Корном были исследованы особенности системы гласных фонем швабского диалекта [2]. В.М. Жирмунским было дано краткое описание фонетических систем швабских говоров на территории Южной Украины и Закавказья [3]. Однако в работах этих ученых швабский диалект Казахстана был исследован во фрагментарном плане в сопоставлении со швабскими диалектами Сибири, Средней Азии, Украины и

Закавказья. Поэтому швабский диалект Казахстана не был изучен обстоятельно. И в связи с этим закономерным представляется интерес к швабскому диалекту, носителями которого являются в основном жители Павлодарской области Казахстана.

Этот диалект был изучен нами в ходе проведения полевых исследований в г.Павлодар и в селах Павлодарской области, таких как: с. Набережное, с. Розовка, с. Приреченское, с. Прииртышск, с. Чернорецк, с. Достык, с. Григорьевка с. Н.Черноярка, в г. Алматы и в г. Иссык (Алматинская область). Анкетирование по Г.Венкера позволило нам выявить, что носителями швабского диалекта в г.Павлодар является 30 человек из числа опрошенных, в селе Набережное является 10 человек, в селе Розовка 20 человек, а в остальных селах проживают по 50, 30, 20 человек. Всего охвачено анкетированием около 180 человек. Эти информанты распределены нами на группы мужчин и женщин с целью выявления чистоты сохранения швабского диалекта.

Цель анкетирования: выявление фонетических особенностей швабского диалекта, носители ко-

того являются представители вышеуказанных групп, проживающие в иноязычном окружении.

Методика исследования: сопоставление фонетических особенностей швабского говора с фонетическими особенностями, присущими литературному языку.

К фонетическим особенностям швабского диалекта ученые относят следующие признаки:

1) сохранение старых дифтонгов: *liəd* (Lied – песня), *bluət* (Blut – кровь),

mīəd (müde – усталый) со своеобразным звучанием;

2) особое звучание дифтонгов, образованных из средневерхненемецкого: *i, ü: vāid* (Wut – ярость), *hāus* (Haus – дом);

3) снижение *i* и *u* перед носовыми: *kend* (kennen – знать), *fende* (finden – находить), *senge* (singen – петь), *domm* (dumm – глупый), *gefonde* (gefunden – нашел);

4) выпадение *n* перед спирантами *uns* (нам) на *us*, иногда с дифтонгизацией: [əus];

5) множественное число глаголов имеет окончание *-et* в настоящем времени (Präsens), например: *nemet* (nehmen – брать), *gebet* (geben – давать);

6) стяжённые глаголы имеют *n* в 1-ом лице единственного числа (назализация): *hauñ* – haben (иметь), *lauñ* – laufen (бегать), *gauñ* – gehen (идти);

7) суффикс *-le-* уменьшительных существительных: *Mädlein* – das Mädchen (девочка) [4, 62].

Магнитофонная запись речей информантов (речевые пробы) показали, что в речи респондентов наблюдаются многие особенности швабского диалекта, а именно:

I. Дифтонгизация (Дифтонг, от греческого *diphthongos* «с двумя звуками» или «с двумя тонами» – звуки, артикуляция которых подразумевает переход от одного гласного звукотипа к другому. Каждая из дифтонгов состоит из букв, обозначающих определенный звук и в сочетании произносится по-разному, например: дифтонг *eu* согласно алфавиту «е» обозначает звук «э», а «и» обозначает звук «у», но дифтонг произносится как «ой») узких гласных. Эту особенность швабского диалекта отметил В.М. Жирмунский. Он указывал, что «распространение дифтонгизации определило один из существеннейших признаков нововверхненемецкого литературного языка и создало в течение XII-XIV в. ряд значительных различий между диалектами» [5]. Это явление было распространено среди южнонемецких диалектов, в частности, в швабском языке. В швабском языке представлены широкие варианты дифтонгов *ī* на *äi, ai, āi; ū* на *au*. Например, в речи носителей диалектов мы отмечаем произнесение дифтонга *šrāwə* – *schreīben* (писать); произношение узких дифтонгов *das hohe Liəd* (Песнь песней) (из книги царя Соломона, входящей в состав Библии).

Es ist immer das alte *Liəd* (это старая песня);

Das *liäbe* Brot, kaum haben (едва иметь хлеб насыщенный).

В литературном языке дифтонгизация узких

гласных полностью совпала со старыми дифтонгами, например: *saugen* (чистить), *Augen* (глаза), *Eis* (мороженое), *heiß* (жарко) /см. текст/.

Immer das alte *Lied* singen;

Aug(e), in Aug(e) – с глазу на глаз;

Ins *Auge* fallen (бросаться в глаза);

Ins *Auge* fassen (посмотреть в глаза).

Узкий дифтонг представлен в речи носителей швабского диалекта с разной степенью открытости первого элемента – *ei/ae: veib* – Weib (женщина), *tseit* – Zeit (время), *blaiβe* – *bleiβen* (оставаться), *kheīn* – *keīn* (отрицание нет), *drei* – drei (три).

Сравните в текстах:

Швабский диалект. Wir verbrachten unsere Ferien in einem kleinen Dörfchen, das wohl etwas hinter der *tseit* zurückgeblieben war (Мы провели наши каникулы в маленькой деревушке, это было давно). Jedes Ding hat *tseine tseit* (Всему свое время).

Литературный язык.

a) *Keinen* Zoll breit weichen (не отступать ни на иоту);

b) *Andere Zeiten*, andere Sitten (иные времена – иные нравы);

v) Das waren noch *Zeiten* (вот это было время) [7].

I hao jetzt koi *tzeit* zom Schwätza! Worum hosch kei *tzeit*? (Ich habe keine Zeit zum schwatzen. Warum hast du keine Zeit? – У меня нет времени для болтовни. Почему у тебя нет времени?) /Информант Функнер В.А. г. Алматы/

II. Вторая черта, наблюдаемая нами в речи носителей швабского говора –

это сохранение старых дифтонгов. К старым дифтонгам относятся: *hās, āgə* (*heiz* – *heiß* (горячий), *ougen* – Augen (глаза), *ie* (ie) /uo(ue). В речи носителей швабского диалекта Павлодарской области мы наблюдаем варианты старых узких дифтонгов: *fliegən* (летать), *wiedər* (снова), *kriegən* (получать), *biag* – *biegən* (огигать), *liægən* (лежать), *guad* – gut (хорошо), *dua* – du (ты), например:

1. **Швабский диалект.**

Er kommt zum *Biegen* oder Brechen (Он пришел чтобы согнуть или чтобы поломать). В слове *Biegen* сохраняется старый дифтонг *ie: zufiel kriegən* (взбеситься), in den *Krieg* ziehen (идти на войну), das *Kriegsbeil* begraben (прекратить распри).

2. **Литературный язык.**

В литературном языке используются следующие дифтонги: *ao, ai, äu, eu*.

В некоторых случаях наблюдается стяжение старых дифтонгов, например: *ie* в *i*, *uo* в *u*, например: *vi:dr* – wieder, *li:bes* – liebes.

1. **Швабский диалект:**

Vi:drsehen macht Freude (вернешь (долг) при встрече);

Die wahre *Li:be* ist es noch nicht (это не совсем то, что мне нужно).

2. **Литературный язык.**

Wiederssehen macht Freude (буду рад встрече);

Alte *Liebe* rostet nicht (старая любовь не ржавеет).

III. В швабском диалекте мы наблюдаем варианты использования старых узких дифтонгов, например: *fliagen, viater, krieg, biag, liag*,

вариант: *fliegen* (летать), *wieder* (снова), *kriegen* (получать), *biegen* (сгибать), *liegen* (лежать); *gued, guat, bruedr, liext*, вариант: *gut* (хорошо), *Bruder* (брат), *liegen* (лежит).

Сравните вариативное использование в диалектах и в литературном языке:

1. Швабский диалект

a) Auf, brenget d Glaesla, schenket ei

Ond trenket mit mr: Proschtl!

Des schmeckt *guat!* Ja mit Verlaub:

Des isch halt schwäbischer Moscht.

b) die *Bruedrhand* reichen (протянуть руку помощи) /Информант Кинтон Ф.К. г.Алматы/

2. Литературный язык

Unter *Brüdern* (между нами),

Gleiche *Brüder*, gleiche *Karpen* (два сапога – одна пара).

В речи ряда информантов наблюдается также в некоторых случаях отсутствие дифтонгов *ī, ū*. Отсутствие таких дифтонгов свидетельствует о влиянии на швабский диалект верхненемецких или нижненемецких диалектов. И в этом случае речь информантов носит смешанный характер, например:

отсутствие дифтонга *ī* сказывается в кратком произнесении краткого *i*, сравните:

швабское	литературное
<i>gšnidā</i>	<i>geschnitten</i> (разрезал)
<i>tsil</i>	<i>Ziel</i> (цель)

IV. В швабском диалекте сохраняется дифтонг *ā*, например: *aog, laofe*, в литературном языке сохраняется дифтонг *au*: *Augen* (глаза), *laufen* (бегать), например:

1. Швабский диалект. В нем наблюдается сужение и огубление долгого

звука *a*. Такое явление, по наблюдению Г. Едига характерно для нижненемецких диалектов Алтая [8]. Дифтонг *ā* – это северноверхненемецкое явление. В швабском диалекте мы наблюдаем влияние нижненемецких диалектов Алтая и северноверхненемецких диалектов, так как смешиваются *a* и *ā* (огубленное), сравните: *Aog zu Aog* (око за око, зуб за зуб), *Zahn um āugen gehen* (глаза открываются).

2. Литературный язык.

Beide Augen zudrücken (закрывать глаза на что либо), *Die Augen vor einer Tatsache verschießen* (закрывать глаза на какой-либо факт).

Дифтонги литературного языка *ei / ou, äi / eu* в швабском диалекте произносятся с особым звучанием, сравните: *ei/ou*

	Hochdeutsch/литер. язык	Schwäbisch/ швабский
<i>ei/ou</i>	<i>weiß</i> [Farbe] (белый)	<i>woes/woas</i> (<i>weiß</i> von <i>wissen</i> – знать)
	<i>die Taube</i> (Vogel) (голубь)	<i>d□Dâube</i>
	<i>der Taube</i> (Gehörlose) (глухой)	<i>dr Daobe</i>
<i>äi/eu</i>	<i>das Täubchen</i> (голубок)	<i>s□Dâuble</i>
	<i>Mäuse</i> (мыши)	<i>Mâis</i>
	<i>Bäume</i> (деревья)	<i>Baem/Beem</i>
	<i>Freude</i> (радость)	<i>Fraed</i>
	<i>Feuer</i> (огонь)	<i>Fâer</i>

Старые дифтонги в литературном языке подвергаются расширению и совпали с новыми дифтонгами, развившимися из северноверхненемецких *ū*, например: *boum* → *Baum* (дерево).

V. Употребление долгого *o*: Открытое *ō* встречается в таких словах, как

ōbād – *Abend* (вечер), *šlōfā* – *schlafen* (спать), *šōf* – *Schaf* (овца).

1. Сравните в швабском диалекте:

Ich bin šlōfā (я сплю)

Wir kommen nach hōis ōbād (Мы придем домой вечером).

Es ist schön, wenn der ōbād des Lebens von wirtschaftlichen Šorgän ungetrūbt (Прекрасно, если вечер жизни не омрачен экономическими заботами).

2. В литературном языке:

Der Abend des Lebens (на закате дней);

Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben (не видав вчера и хвалиться нечего); *Eines schönes Abend* (однажды вечером);

Aus dem Schlaf rütteln (растолкать кого-либо); *Ein Kind in den Schlaf singen* (убаюкивать ребенка).

VI. Отсутствие умлаута [u] краткого перед старой геминантой:

швабский	литературный
<i>muk</i>	<i>Mücke</i> (комар)
<i>bruk</i>	<i>Brücke</i> (мост)
<i>rugə</i>	<i>Rücken</i> (спина)
<i>tsruk</i>	<i>zurück</i> (назад)
<i>drugə</i>	<i>drücken</i> (давить)

Под умлаутом в немецком литературном языке понимается палатализация корневых гласных. Некоторые виды умлаута в швабском диалекте не получили широкого распространения и во многих случаях не проявляется в таких формах, которые отсутствуют в немецком литературном языке. Кроме умлаута *u* перед старой геминантой, в швабском диалекте отсутствует и такой вид умлаута как

умлаут перед суффиксами, в частности, перед суффиксами у существительных на -er, например: *krōmār* – Krämer (хлам), *burgār* – Bürger (житель).

VII. Назализация – это чередование назализованных и неназализованных гласных. Оно относится к историческим явлениям, так как в настоящее время это чередование не обусловлено последующим носовым согласным [2]. В швабском диалекте во многих случаях назализация сохраняет признак своей прежней позиционной обусловленности, являясь в этих случаях формой контактной регрессивной ассимиляции. Проявляется это в том, что все долгие и краткие гласные, а также и дифтонги, частично уподобляясь следующему за ним носовым согласным, принимают носовую окраску, ср., например, гласные в следующих позициях: *kām* „Kamm“ (расческа), *drūmpf* „Trumpf (козырная карта)“, *tsē:ma* „zusammen“ (вместе), *ē:ma* „Bienen“ (пчелы). *Dr Schwob geht nicht nach Hause. Dr Schwob geht Haam* (Шваб не идет домой, он идет дом) /Информант Сартисон И.Е., г.Алматы/.

В.М. Жирмунский, говоря о возможности нейтрализации группы самостоятельных фонем в немецких диалектах в определенном положении, отмечает, что *i, e, ē /ä/* нейтрализуется в швабском /eⁿ/ – при удлинении /ēⁿ/ . Это положение распространяется и на долгие гласные рассматриваемого диалекта. Что же касается кратких гласных, то в швабском диалекте Казахстана отношения несколько иные: характерное для большинства швабских говоров расширение /u/ и /i/ в /o/ и /e/ т.е. *hond* „Hund“ (собака), *sepa* „singen“ (петь) и т.д. здесь места не имеет. Правда гласные /u/ и /i/ перед носовыми согласными принимают несколько более открытое качество и носовую окраску, но с гласными /o/ и /e/ не совпадают [6].

Исследователь швабского диалекта Ф. Кауффманн указывал на особое развитие кратких гласных в позиции перед носовым и на то, что в 12 веке наряду с назализацией произошло удлинение кратких носовых гласных. Еще раньше произошла дифтонгизация, которая затронула все долгие гласные, т.е. не только *i, u, iu, no* и *ä, ē, ö*. Ф.Кауффманн зафиксировал в швабском диалекте 16 дифтонгов. К дифтонгам швабского диалекта Р.Корн относит следующие:

1) /iə/: например: *diə* – die (артикл женского рода), *brīə* – Brühe (бульон), *miəd* – müde (усталый), *kiəl* – kühl (прохладно), *fīəla* – fühlen (чувствовать), *iəba* – üben (тренироваться), *diəna* – dienen (служить);

2) /uə/: например: *šduəd* – Stute (кобыла), *vuəd* – Wut (ярость), *šduəl* – Stuhl (стул), *bluəm* – Blume (цветок), *kuə* – Kuh (корова), *kuəxa* – Kuchen (пирог), *muəs* – muß (должен);

3) /ui/: например: *uiç* – euch (вам), *nui* – neu (новый), *nuis* – neues (нового), *fuir* – Feuer (огонь), *šbui* – sprucke (плевать);

4) /əa/: например: *dçan* – den (артикл винительного падежа), *neabl* – Nebel (туман), *veag* – Weg (дорога), *reçata* – Riemen (ремень, пояс), *šdeag* – Steg

(причал), *neçatəd* – niemand (никто), *leçaba* – leben (жить);

5) /əi/: например: *gləi* – gleich (равный), *gəig* – Geige (скрипка), *əis* – Eis (мороженое). *vəis* – weiß (белый), *drəi* – drei (три), *ləid* – Leute (люди), *əil* – Eule (сова), *fəil* – Feile (напильник);

6) /əu/: например: *ləud* – laut (громко), *əus* – aus (из), *fəul* – faul (ленивый), *šnəufa* – atmen (дышать), *həud* – Haut (кожа), *brəud* – Braut (невеста).

7) /oi/: например: *doig* – Teig (тесто), *tsvoi* – zwei (два), *soifa* – Seife (мыло), *moi* – Mai (май), *hoim* – Heim (дом), *voitsa* – Weizen (пшеница), *koi* – kein (нет).

8) /ai/: например: *gaišd* – Geist (дух), *sai* – See (озеро), *saišd* – sagst (говоришь), *flai* – Flöhe (блохи), *gsaid* – gesagt (сказал), *fraid* – Freude (радость), *bais* – böse (сердитый).

9) /au/: например: *dau* – Tau (роса), *aug* – Auge (глаза), *aur* – Ohr (ухо), *daud* – Tod (смерть), *šaus* – Schoß (росток), *hautsiç* – Hochzeit (свадьба), *blaus* – bloß (обнаженный).

По нашим наблюдениям в швабском диалекте встречаются следующие виды дифтонгов:

1) Узкие варианты дифтонгов *ei*, например: *əis* вместо «Eis» (мороженое)

в литературном языке, сравните: *rəiude* – Zeiten (времена); *həus* – Haus (дом). Однако перед носовыми эти узкие дифтонги превращаются в назализованные дифтонги: *aiⁿ*, *auⁿ*, например: *waiⁿ*, *brauⁿ*, сравните в употреблении респондентов:

1. Швабский диалект: Mein *həus* ist groß und *brəiud* (мой дом большой и широкий), *aus dem həusen rausgehen* (выходить из дома) /Информант: Бишель Н.Ф., с. Набережное, Павлодарская область/.

2. Литературный язык: Mein *Haus* ist groß und *breit* / zu *Hause* sein / nicht zu *Hause* sein (Мой дом большой и широкий/ быть дома / не желать иметь дело с кем-либо).

2) *in* (предлог «в») в швабском диалекте дифтонгизировались в *äi, ai, häisr*,

haiser, hooiser; *ləid* – *lood*. [oo] – дифтонг литературного языка, развившийся благодаря дифтонгизации вредневерхненемецкого *iu* [y:] в диалектах. В дифтонгизирующих диалектах, в которых происходит делябиализация *ü na i* судьба этих двух гласных совпадает. В швабском *iu* дифтонгизируется в *äi*, сравните: а) швабский диалект: I lebe in diesem dorf fünfzig *johre*. Wir bauen diesem *həisr* seit langem. Wir wohnen in diesem *həisr* seit langem. I bin *həisrbewohner* /Информант: Булинг Ф.Ф., г.Павлодар/.

б) литературный язык: *hausieren gehen* (предлагать всем подряд), *welch ein seltsames Mädchen, sagte Tantau* (Что за странная девочка, сказала Таптай). „Diese kleine Karen ging mit ihrem Herzen *hausieren* – und niemand wollte es ihr zum Kameraden“ (Эта маленькая Карен предлагает всем подряд, никто не хочет дружить с ней). *Ins Haus geschneit kommen* (являясь в дом залетным гостем) *Meine Schwester ist viel auf Reisen. Umso größer ist dann die Freude, wenn*

sie einmal ganz unerwaetet *ins Haus* gescheit kommt (Moderne deutsche Idiomatik – MDtI).

3) а) в швабском диалекте нами замечено также употребление дифтонга *ei* в

форме, например: *hois, hoəs*.

Mein lieber, Vater *hoise*. Er steht seit langsam! Hier gewohnen meine *Kinr*, meine Verwandten. Begründer *hoəse* mein fater /Информант: Вейкум Р.И., г.Павлодар/.

б) литературный: *Haus an Haus* (дом к дому). Sie haben ein offenes *Haus* (их дом для всех открыт).

Das hohe *Haus* (парламент).

Haus und *Herd* (домашний очаг).

Назализация как фонетическое явление довольно широко представлено в швабском диалекте [5, 360-361]. Ряд авторов считает противопоставление гласных по назализации в этих диалектах значимым [9, 19-20]. При этом в качестве аргумента приводится ссылка на наличие минимальных пар, вроде *mai – mai – mäi*, „mein (мой)“; *sī – sie* (она, они), „Söhne (сыновья)“⁴. Однако ссылки на отпадение носового гласного не имеют доказательной силы [10, 164]. В этом случае следует говорить о противопоставлении иного рода, а именно: противопоставление гласного группе «гласный+носовой согласный» при условии, что такая группа не рассекается морфемной границей [11].

VIII. Преломление. Под этим явлением понимают сужение кратких

корневых гласных среднего подъема в гласные верхнего подъема. В.М. Жирмунский определяет преломление (*Brechung*) как уподобление гласного корня гласному окончанию. Преломлением называется чередование гласных под влиянием широкого или более узкого гласного окончания [12]. В швабских говорах преломление встречается только в нескольких словах, например: в глаголах «*нема*», «*nehmen*» обнаруживается преломление „*e – i*“.

а) швабский диалект: *nim – nema, nimen – nehmen* (брать)

wie man $\square$ *nimmt* (смотря как отнестись)

Jedm die Hoffnung *nimen* (лишать кого-либо надежды); Das lasse i mr net *nim* (я от этого не откажусь) /Информант: Вейкум Р.И., г.Павлодар/.

б) литературный язык:

Die beiden werden sich nicht viel *nehmen* (два сапога пара). Auf sich *nehmen* (брать на себя что-либо).

VII. Вокализация «*r*» и ее исчезновение развитие неорганического «*r*».

В швабских диалектах *r* перед переднеязычными согласными ослаблено, хотя и стремится сохранить альвеолярный характер, ср. *bā^rd – Bart* (борода), *khū^rts – kurz* (кратко), *bīr^šd – Bürste* (щетка).

В южной границе швабских говоров *r* в указанной позиции исчезает полностью, ср. *gātə – Garten*, *šwāts – schwarz*, *būšt – Bursche*, *mēts – März*.

Выпадение буквы *r*, а также ослабление его позиции перед переднеязычными согласными ведет к тому, что в швабских говорах развивается неор-

ганическое *r* в ряде слов, например: *dū^rnə – donnern* (грохотать, греметь), *ge^ršd – gestern* (вчера).

Сравните: а) в швабском диалекте:

I hob kleine *khū^rts bā^rd*, abr mein Vatr sehr *bā^rdig*. I hob gute *gātə*. Hier, in große *gātə*, wachsen Apfelbaum, Pflaumen, rote und *šwāts* Johannisbeeren; zum *dū^rnəwetter* noch einmal las mich in Ruhe! (Информант: Дик М.П., г.Павлодар).

б) литературный язык:

Ein Witz mit Bart (анекдот с бородой), *beim Bart des Propheten* (клянусь бородой), *die schwarze Liste* (черный список), *der schwarze Markt* (черный список), *März ein Frühlingsmonat* (март весенний), *wie vom Donner gerührt* (стоять как громом пораженный), *ein Donnerwetter loslassen* (разразиться бранью).

Наши наблюдения над фонетическими особенностями швабского диалекта позволили также отметить не только наличие смешения разных черт диалектов в результате влияния диалектов, но и смешанную речь немцев – билингвов, когда в русской речи билингвов более молодого возраста встречаются черты швабского диалекта, например:

а) использование дифтонга «*aog*» (долгое *ā*): *di hob eine wunderbar Aog* (У тебя чудесные глаза) /Информант Дейслинг Г.И., г.Павлодар/;

б) узкие дифтонги в литературном языке подверглись монофтонгизации. Однако в швабском говоре, они сохраняются и применяются в русской речи билингва: Ja, diese *hois* (Да, этот дом), *mein hois – mein heimatlich Insel!* (Мой дом, родной остров) В данном отрывке слово «дом» произносится долго и огубленно;

в) *Dū^rnə und Wetter*. *I^ром* и молния! Ich bin späte. Ich gehe zur Arbeit (Я позже. Я иду на работу). В данном случае в слове *dū^rnə* наблюдается ослабление позиции *r* перед переднеязычным.

В русском языке фонема *r* перед гласным заднего ряда и носовым *m* также произносится ослаблено. В некоторых случаях *r* выпадает, ассимилируется в ряду *nd/r*: О meine *Kinr*. О мой *ебенек!* К нему пришли *frunə* (друзья).

д) В русской речи билингвов сохраняется удлинение гласных, например: *се^рдце, бо^рода, че^рный, в^рач*.

О Pieter, meine liebe *ha^rt*. О Питер, мое родное *се^рдечко!*

В немецких диалектах (восточношвабском), любое односложное слово с закрытым словом подвергается удлинению, так называемое восточно-немецкое удлинение гласных, например, широко распространено удлинение под влиянием группы *r + согласный*.

Немцы-билингвы в двуязычной ситуации могут использовать попеременно свой диалект, либо русский язык. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры смешанной речи, основанной на использовании элементов обеих языковых систем:

1) отдельных слов, на русском языке: такой взрослый парень – диалект:

so:-ən ärwaksene khäl (*so ein erwachsener Kerl –*

такой взрослый парень); *ti va:re al da' volne* (на русском языке: они все были довольны – диалект: *ti va: n al tsufri:de (die waren alle zufrieden)*; *iç happ ha:r reidzel uf* на русском языке: я загадал несколько загадок – диалект: *is happ ha: r reidzef uf (ich habe ein paar R'tsel aufgegeben)*; *uf ti doske hab iç pha:r a 'šipkə ... kəsə* на русском языке: На доске я увидел несколько ошибок – диалект: *uf tä:re 'ta:vəl hab iç pha:r feiler kese:g (an der Tafel habe ich ein paar Fehler gesehen)*; *vot so:* на русском языке: вот так – диалект: *kra:t sc: (gerade so)*; *tes had iç ta:ze hed a:mol kəsa:t* на русском языке: я это даже не раз говорил – диалект: *tes had iç boka:r ned a:mol kəsa:t (das hatte ich sogar mehrmals gesagt)*;

2) словосочетаний: *ven iç na ad'noi na'ge ...vā:r* (рус. если бы я имел одну ногу – *ven iç na a: pa: het "wenn ich nur ein Bein hätte"*); *s va:r vi pa tsa'sam* (рус. было как по часам – гов. *s va:r vi nox-tər u:r "das war wie nach der Uhr"*);

3) предложений: *kak fs'pomniš vi tes ales va:r* (рус. как вспомню, как все это было – гов. *ven iç trou tenk vi tes ales va:r "wenn ich daran denke, wie das alles war"*); *tu host tox selpst kəsa:t/što n't xotšiš 'jexat'* (рус. ты же сам сказал, что не хочешь ехать – гов. *tu host tox selpst kəsa:t tas-te net fa:n vilst "du hast doch selbst gesagt, dass du nicht fahren willst"*) /Примеры взяты из разговоров с информантами из г.Алматы и г.Павлодара/.

Внесение элементов своего языка во вторую речь характеризуется как смешанное двуязычие, когда смешанный субординативный немецко-русский билингвизм характеризуется влиянием родного немецкого языка на второй язык, что проявляется в допущении разного рода включений с родного языка. Л.В. Щерба, характеризуя смешанное двуязычие говорил, что оно возникает в том случае, если говорящий постоянно изучает второй язык с оглядкой на первый [13]. Е.М. Верещагин утверждает, что двуязычие есть психический механизм знания, умения, навыков, позволяющих человеку воспроизводить и порождать речевые произведения последовательно принадлежащим двум языковым системам [14, 134].

Субординативное двуязычие возникает в результате смешения систем первого и второго языка. Согласно последним психологическим исследованиям, учет соотношений между мыслительной деятельностью и реальными возможностями человека показывает, что разные языки не могут в равной степени выполнять одновременно функции формирования мысли и ее реализацию в речи. Большинство проверенных фундаментальных данных указывает на создание в ходе практической интеллектуальной деятельности умственной (концептуальной) базы мышления человека. Эту базу составляют собственные впечатления индивида о мире, его личный опыт, а также социальный опыт, усвоенный им в процессе социализации в обществе при самом активном участии речи. Опыт, приносимый в психику индивида из среды национального языка «будучи чрезвычайной прибавкой», опыт организует

коммуникативные возможности и мышление индивида, но так, что в психике возникают универсальные, не зависящие от индивида специфичные картины мира. На этой базе возникает и развивается, корректируется и осмысливается система любого национального языка.

При естественном билингвизме на одной и той же базе формируются две равноправные системы: при функционировании одной из них вторая затормаживается. В том случае имеет место непосредственный билингвизм, когда вторичная языковая система прямо связана с мышлением. При искусственном билингвизме такое торможение возможно, когда в новой языковой системе нет пробелов, когда сформированы «бессознательные автоматизмы» связи между означаемым (общим) и означающим (новым) [15]. До тех пор дефицит средств новой системы понуждает к использованию средств уже хорошо сформированной компетенции (первый язык). Это обнаруживается в явлении интерференции. В этом случае мы имеем дело с проявлением опосредованного билингвизма, когда вторичный язык соотносится с мышлением через первичный язык (язык, имеющий сформированную компетенцию). По мысли А.Е. Карлинского, следует говорить о двух компетенциях: компетенция Я₁ и Я₂ [16].

Смешение элементов двух компетенций осуществляется в речевой деятельности. Две компетенции, как бы существующие в памяти билингва, неодинаковы по статусу (компетенция Я₁ наиболее полно отражает существенные черты данной языковой системы, компетенция Я₂ – ущербная), сосуществует в памяти билингва. В процессе речевой деятельности недостающие единицы и правила Я₂ необходимые для интерпретации и порождения речевых произведений на данном языке, выполняются за счет единиц и правил компетенции Я₁ [16].

При естественном билингвизме имеются две в достаточной степени сформированные компетенции, позволяющие билингву свободно общаться на первом или втором языках. При искусственном билингвизме в достаточной степени сформирована компетенция первого языка и в недостаточной степени – второго, вследствие чего билингв вынужден обращаться к использованию второго языка через первый. Однако в начальной стадии билингвизма все же наблюдаются случаи ущербной компетентности во втором языке, когда допускаются речевые ошибки, интерферентные ошибки и порождение неправильных речевых произведений на втором языке.

Наблюдения над фонетическими особенностями немцев-билингвов показывает и случаи диглоссии, особенно в речи молодых, когда они переключаются с диалектного языка на *Umgangsprache* или литературный немецкий язык.

Н.Б. Мечковская относит диглоссию к одному из видов культурного двуязычия. Для этого вида двуязычия, по ее мнению, характерны следующие черты: 1) такое функциональное распределение